

— О нет, дела наши очень плохи, — взволнованно проговорил Мин Цзе. Господин Ли осадил его:

— К чему это притворство? Разве, зазывая нас сюда, ты не говорил, что мне в своих решениях нужно быть осторожным? Что же тогда ты имел ввиду, если не конфликт с хоу?

— Об этом я задумываться даже не хотел, — признался Мин Цзе опустив глаза. Брови у него были густые и темные, потому, стоило ему немного опустить или поднять их, все лицо в миг приобретало открытое выражение, по которому не ошибиться было в эмоциях юноши. Он это знал и этим пользовался. — А сказал я так, чтобы тебя задеть: знал, не пропустишь...

— Мне нет дела до подобных мелких подначек, — гордо заявил господин Ли. Пятый принц на эти слова удивленно расширил глаза: а не этот ли господин несколько дней назад едва не плевался кровью от ярости, когда Фэн Жун рассказал ему о встрече с Мин Цзе. Тогда казалось, что чужие слова задели его небывало глубоко!

Мин Цзе это тоже, кажется, понимал, потому не стал спорить, лишь на миг опустив глаза — никто не заметил, каким было выражение его лица в этот момент. Фэн Жун же вовсе не желал слушать чужие препирательства:

— Вы хотите сказать, — задумчиво протянул он. — Что Пань Тань так же, как и господин Мин, уже прожил одну жизнь и теперь вернулся к ее началу?

— Молодой господин не должен потакать пагубным идеям, — заметил Ли Инчунь, но Мин Цзе кивнул.

— Именно так. Другим я его поведение объяснить не могу, и это значит, что тебе, Инчунь, стоит быть особо осторожным. Наверняка, он попыбует сделать что-то!..

На этих словах лица трех молодых людей замерли и них возник единственный вопрос: заключение в его поместье считается?.. Мин Цзе четко уловил, как изменилась в один миг атмосфера, но не успел ничего сказать, прежде чем Ли Инчунь пугающе спокойным голосом спросил:

— Что же такого я сделал генералу?

— Выбать бы, с чего начать, — невесело усмехнулся Мин Цзе. — Ты несколько лет служил его военным советником, рассказывая о его делах и планах Третьему принцу, после и вовсе оставил армию, саботировав финальное сражение. В столице ты неоднократно мешал планам генерала, устроил покушение на ребенка семей Гао и Лю, избавился от невесты хоу...

— Невесты?! — забеспокоился Фэн Жун, но Мин Цзе махнул свободной рукой:

— Не Фэн Сяолин, тогда он на нее не смотрел. Четвертую принцессу, — юноша говорил спокойно и слаженно, его слова не были похожи на ложь, а оттого сильнее сжимали сердце. — Когда-то вас можно было назвать союзниками, но после получения места при дворе господин Ли делал все, чтобы навсегда избавиться от хоу — и тот отвечал тем же. Вы были словно масло и вода, но тогда как Пань Тань старался придерживаться приличий и рамок дозволенного, ты, Инчунь... — Мин Цзе замолчал, словно стараясь подобрать слова, а после закончил. — И сам знаешь, что ради своих целей пойдешь на многое.

Ли Инчунь смотрел прямо на Мин Цзе, прикидывая, чему в его словах можно верить. Если на краткий миг, мгновение, слишком незначительное даже для взмаха ресниц, представить, что

он говорил правду — каждое слово и действие хоу за последние несколько лет обретали смысл. Во взгляде, каким он обычно смотрел на Ли Инчуня, было столько пренебрежения и ненависти, эмоций, каких не выразить было словами, что юноша долгое время терялся, не зная, как терпеть подобное отношение. Но если представить, что их знакомство не было первым и когда-то Пань Тань уже выяснил, как широко сердце господина Ли — широко настолько, что краев его невозможно коснуться, — его подозрительность становилась оправданной. Вот как, оказывается, великий хоу разгадывал планы, что даже еще не появились в голове Ли Инчуня и вот, за что наказывал его. Вот только тот Ли Инчунь, что ни разу не слышал ни о какой другой своей жизни и страшных деяниях, разве был в чем-то виноват?

— Господин Мин говорит так складно, что даже господин Ли не может найти с ответом, — между тем легко улыбнулся Пятый принц и взглянул на Ли Инчуня. — О его сложном характере нам, однако, уже известно. Если же ты в самом деле знаешь, что произойдет в будущем, этот принц будет счастлив послушать.

— Я могу рассказать некоторые вещи... — начал было Мин Цзе но тут же вздрогнул: рука на его запястье сжалась сильнее. — Ваше Высочество, рассказывая что-либо я и так проявляю к вам свое расположение! Даже Третий принц в неведении, проявите благоразумие!

— На слово верить ему все равно нельзя, — придя в себя, нахмурился Ли Инчунь.

— А как тогда проверим? — спросил Фэн Жун.

— Пусть расскажет что-нибудь из ближайшего будущего, а там посмотрим, сбудется ли, — сказал господин Ли, возвращая себе отрешенный облик. — Рассказал он нам все не просто так, ему требуется наша помощь.

— Разве? — удивился Фэн Жун и Ли Инчунь с охотой пояснил под суровый взгляд Мин Цзе, что подтверждал каждое его слово.

— Истинно так. Сами подумайте, молодой господин: я не угодил Цзяняньскому хоу, но ведь именно меня при встрече этот человек назвал своим близким другом. Должно быть, в некоторых неприятных делах он замешан в равной степени и хоу об этом знает. Я, Сяоху Дань, Третий принц — обо всех этих людях Пань Тань помнит, потому не изменит к ним своего отношения, и Мин Цзе тоже не хочет попасть в немилость, потому желает заручиться нашей поддержкой.

— А почему не поддержкой Третьего принца? — уточнил Фэн Жун и господин Ли пожал плечами.

— Кто знает. Может, для будущего держаться за него — плохая идея.

Мин Цзе не стал опровергать чужих слов и долго думал, что рассказать о ближайшем будущем. Уходя, Мин Цзе замер на миг возле Ли Инчуня и бросил в сторону Фэн Жуна и Пятого принца быстрый взгляд, шепнув:

— Выбирай себе покровителей тщательнее.

Ли Инчунь не понимал значения этих слов. Если заключить, что Мин Цзе в самом деле знал больше, чем юноша, невольно боязная дрожь подбиралась к ладоням — но откуда могла идти опасность? Намекал ли он, что Пятый принц все же не сможет остаться в стороне от грозящей развернуться в ближайшие годы схватки за престол? Или что не сможет отказать Третьему принцу и примкнет к нему? Тогда и самому Ли Инчуню, вдруг от долгих разговоров впервые с

момента своего освобождения почувствовавшего жгучую усталость, не удастся остаться в стороне.

Господин Ли не знал, как близки были к истине его мысли. Той ночью он быстро погрузился в тревожный сон, пока Пятый принц до раннего утра обдумывал собственные слова и действия, без сна ворочаясь за пологом постели. Благодаря молодости он относился пока к тем людям, которые даже после сна на хворосте выглядели обаятельно и чувствовали себя хорошо. Утром ночные тревоги не отразились на лице Пятого принца и, после заседания у Императора, он послал слугу к Цзянанньскому хоу, чтобы предложить ему переговоры.

Встреча была назначена в одном из театров, куда Фу Ичжэнь любил заходить. У порога артисты встречали его счастливыми улыбками, а хозяин, губы которого посинели от богатства и жира, уверил, что Пань Таня проведет к принцу сразу же, как он появится. Фу Ичжэнь занял свое любимое место в уединенной ложе театра и едва смог выдохнуть, обратив внимание к пьесе, когда полог из нефритовых бусин раздвинула крепкая рука и в комнату вошел Цзянанньский хоу.

Пятый принц поднялся и дружелюбно улыбнулся:

— Генерал, — скаясь, поприветствовал он. — Для этого принца честь, что вы приняли мое скромное приглашение.

Цзянанньский хоу вежливо склонил голову.

— Вашему Высочеству не стоит говорить так: это для этого генерала радость говорить с вами. Обычно вы неуловимы.

— В столице меня считают бездельником, но и безделье — тяжелый труд, — рассмеялся Фу Ичжэнь, старательно делая вид, что не понял второй части фразы генерала. Раньше, когда Пятый принц избегал его, он использовал любой предлог, чтобы отказаться от встречи, однако теперь сам решил поговорить — и все же, Пань Тань был очень хорош: даже в такой ситуации лицо его не отражало высокомерия или надменности. На Пятого принца он смотрел скорее с мягким снисхождением, словно на неразумного ребенка.

Если верить Мин Цзе, то этому человеку было сейчас как минимум пятьдесят лет — становилось понятно, почему взгляд его так глубок и темен. Пусть хоу ласково улыбался, нечто темное словно скалилось из глубины его зрачков и невольно холодная дрожь пробежала от взгляда по позвоночнику. Неожиданно для себя в глубине души Фу Ичжэнь почувствовал уважение к Фэн Сяолин: эта женщина должна была обладать недюжинной храбростью, чтобы лечь с таким человеком!

Отбросив эти странные мысли, пока они не завели его размышления в совсем уж неприглядные места, Пятый принц сказал:

— Этот принц не задержит вас надолго: понимаю, как вы, должно быть, спешите к семье. Каждый миг с нашими родными — невероятно ценен.

— Да, — на миг прищурившись, ответил Пань Тань. Тут же он вновь легко улыбнулся: — Ваше Высочество один сегодня? Я не вижу рядом даочжанов, что обычно сопровождают вас.

— Они ничего не понимают в искусстве, потому я их отпустил, — махнул рукой Пятый принц. Невольно он взглянул на приближенных генерала: это были не Лю Гуанминь и Гао Нин, оттого на душе юноши стало легче. Откинувшись на спинку широкой лавки, убранной алыми

подушками, он указал на сцену. — Сегодня играют чудесную пьесу, которую я давно уже хотел послушать.

— Начало в самом деле завораживающе, — кивнул Пань Тань, тоже обратив взгляд к сцене.

— Сюжет тоже интригует, — принялся болтать Фу Ичжэнь. — Простой крестьянин однажды возвращался с поля и увидел на дороге умирающую от жажды улитку. Он принес ее домой и выходил, а она оказалась магическим зверем и лунной ночью обратилась в прекрасную девушку. В награду за доброту девушка-улитка предложила крестьянину серебра столько, сколько он сможет сложить на вспаханной собою земле. Крестьянин тут же согласился.

— Добрые дела вознаграждаются, — кивнул Пань Тань.

— Однако это не конец истории. Крестьянин согласился тут же, не слушая девушку-улитку более, а она хотела кроме того предложить себя ему в жены. Когда крестьянин услышал это, он пожелал и эту награду, вот только выбрать можно было только что-то одно.

Цзяняньский хоу перевел взгляд своих пугающих темных глаз на Пятого принца. Он легко улыбался, словно довольный историей, и в улыбке на его щеках появлялись очаровательные грушевые омуты.

— И чем же закончилась история? — вежливо спросил генерал.

Фу Ичжэнь рассмеялся:

— Посмотрите и узнаете: я не стану отбирать хлеб у актеров, рассказывая вам все! История эта, однако, в самом деле занимательная, — Пятый принц завистливо вздохнул. — Выбрать себе красавицу-жену или богатство — как можно решиться лишь на что-то одно? Мне кажется, девушке-улитке вовсе не стоило давать выбора, а сразу наградить крестьянина одним даром, ведь так она только смутила его мысли и душу. С другой стороны, может в этой истории есть и другие действующие лица.

— Какие же?

— Крестьянин не мог жить в поле один, потому наверняка у него была семья и соседи, — жарко рассказал Фу Ичжэнь. — Люди, которым не все равно на его жизнь и смерть. Им следовало в такой ситуации подсказать, как крестьянину поступить, и направить его на верный путь. Это их долг.

— Ваше Высочество размышляет очень забавно, — улыбнулся Пань Тань. Он протянул руку и взял фарфоровую чашку с дымящимся чаем: невольно Пятый принц отметил, что тренированные руки мужчины куда крепче и толще бледных кистей Ли Инчуня. Наверное, Цзяняньский хоу смог бы удержать обе руки господина Ли одной ладонью. — Девушка-улитка, однако, мифическое существо, творящее невиданные вещи. Ее спасли от смерти: почему она не может отблагодарить своего спасителя достойно? Поставить его перед выбором довольно жестоко. Она в таком случае не должна обижаться на то, что крестьянин попытается взять положенное ему силой.

— Девушка-улитка из этой истории, я думаю, небожительница, — задумчиво сказал Пятый принц. — Ход ее мыслей простым смертным вроде нас будет трудно понять: так же, как и ход мыслей Императора. Этот принц в своем невежестве знает лишь, что отец-Император заботится о благе каждого своего подданного, словно о родном ребенке. И этого достаточно для меня.

— Ваше Высочество во всем прав, — улыбнулся в ответ Пань Тань. — Император должен заботиться о каждом ребенке.

Фу Ичжэнь грязно бранился в душе. Он вдруг понял, отчего дружит с Фэн Жуном: тот был упрям и высокомерен, почитал кровь своих предков выше иных свершений — но все же не заостенел пока душой и готов был, как бы отвратительны они ему ни были, рассмотреть разные точки зрения. Молодой господин никогда не говорил ни о чем однозначно: кто-то мог бы назвать это мягкотелостью, но Пятый принц в подобном видел удивительную гибкость, что присуща умному человеку.

Вздохнув, Пятый принц подобрался и склонился к Пань Таню, взволнованно сказав:

— Генерал, я должен рассказать вам, к чему эта встреча. Дело касается ваших подчиненных...

— Прошу, продолжайте, — кивнул Цзяняньский хоу, хотя, конечно, знал, что Фу Ичжэнь хочет сказать.

— Не считите, что я лезу не в свое дело, но несколько дней назад я заметил неудовольствие отца-Императора и решил поведать вам о нем. Это касается Гао Нин и Лю Гуанмина, — сказав так, Пятый принц перевел дух, словно не мог подобрать слов. Через время он продолжил: — Не так давно в столице стало известно, что госпожа Гао понесла ребенка.

— Это так, — кивнул Пань Тань с улыбкой. — Она пока не хотела никому говорить, но слухи по столице расползаются быстрее, чем по армейскому лагерю.

— Благородные господа любят поговорить о других, — поддержал Фу Ичжэнь. — Узнал об этом и Император: и он недоволен.

— Вот как?

— Именно: министры донесли Его Величеству, что появление наследника двух великих кланов может сильно пошатнуть власть Императора.

— Власть Императора — от небес, ничто не может ее оспорить, — нахмурившись, словно в самом деле так считал, ответил Пань Тань. Фу Ичжэнь горячо поддержал:

— Это так! Но там, где говорят десятки слышит сотня и тысяча поверит. Я узнал о происходящем случайно и решил рассказать вам, чтобы вы успели принять меры.

— Меры? Что предлагает Ваше Высочество?

Пятый принц будто действительно задумался, а после неуверенно сказал:

— Отца-Императора волнуют титулы будущего наследника, потому, возможно, если госпожа Гао и господин Лю отрекутся от них...

— Это невозможно, — ответил Пань Тань. — Они ценные командиры моей армии и не сделали ничего дурного.

— В этом вы полностью правы, — кивнул Фу Ичжэнь. — Тогда, однако, остается единственный вариант — убедить госпожу Гао перестать думать о наследнике...

Пань Тань холодно улыбнулся:

— Убить еще даже не родившегося ребенка?

— Вы говорите такие ужасы, что меня самого бросает в дрожь! — воскликнул в ответ Пятый принц. — Никто во всей столице не хочет причинять вреда детям, но что же тогда делать бедной госпоже Гао? Боюсь, отец-Император может невзлюбить ее из-за случившегося...

— Его Величество не настолько жестокосерден, — сказал Цзяняньский хоу с расслабленным выражением. — Мне лестно, что Ваше Высочество волнуется о моих подчиненных, но это лишнее.

— За них и расположение Императора к вам, — ответил Фу Ичжэнь, не желая пока сдаваться. В голове всплыл тихий, чуть хрипловатый и насмешливый голос, и юноша принялся говорить с большим жаром: — Послушайте, генерал: Гао Нин и Лю Гуанмин — превосходные полководцы и славные наследники своих громких фамилий. Они молоды и принесут много побед стране — а что же их ребенок? Он может родиться слабым и болезненным, может стать молодым господином, что будет прожигать богатство родителей, или госпожой, что никогда не выйдет за пределы внутренних комнат. Наивно желать получить и грудку серебра, и девушку-улитку в жены: иначе можно навлечь беду на девять поколений своих предков и покровителей.

Пань Тань на миг замер, а после спросил:

— Вы в самом деле считаете так?

— Мне тяжело было думать о чем-то подобном, и от этих мыслей я не мог спать несколько дней, — вздохнул Фу Ичжэнь. — Однако я искренне хочу добра вам и госпоже Гао: а иного пути добиться спокойной жизни, увы, нет. Мои скромные рассуждения просты: два талантливых человека против одного неизвестного — конечно же, выбор очевиден.

Цзяняньский хоу замолчал и перевел на сцену задумчивый взгляд. Пятый принц ликовал в душе: неужели ему удалось посеять в душе генерала зерно сомнений? Цветок, однако, не может цвести сто дней и уже через время на лицо Пань Таня вновь вернулась фальшивая улыбка.

— Вы сегодня открыли мне глаза на многие вещи, — сказал Цзяняньский хоу. — Эта встреча помогла мне смогла распутать несколько давних узлов в душе.

— Этот принц рад, что вы приняли верное решение... — начал было Фу Ичжэнь, но генерал прервал его, поставив на стол чашку с характерным звонким стуком. Пань Тань поднялся, тут же возвысившись над Пятым принцем, словно гора Утайшань над муравьем.

— Мое решение неизменно: я не стану принуждать Гао Нин избавляться от ребенка. Он еще не родился, но она уже выбрала ему имя и каждый день несказанно радуется — к чему ее тревожить?

— Но в будущем...

— Будущее, о котором вы говорите, наступит еще очень нескоро, — с улыбкой ответил Пань Тань. — Кто знает, что случится тогда? Вместо того, чтобы трястись над собственным шатким положением и продумывать, как бы обмануть всех вокруг, я предпочту поступить так, как велит мне совесть, и никогда не стану жалеть о своих решениях. Окажусь ли я прав, или паду словно древние империи... — генерал задумчиво поднял взгляд, а после беззаботно пожал плечами. — Кто знает.

На лице его появилось хитрое выражение, словно он точно это изменчивое будущее знал.

Широкий павильон за городом был окружен пионами гунби, нежными, словно девичьи губы. Эти цветы имели маленькие листья, что стыдливо жались к тонким веткам, даже кора на которых была нежного молочного цвета — издали казалось, словно соцветия кем-то насажены на человеческие кости. С раннего утра пришедший с запада теплый воздух поднял со дна озера влажный густой туман, который деревянные своды павильона, узкие лавки и выкрашенную алым крышу посеребрил инеем: в белесом мареве, однако, он выглядел не как благородное серебро, а словно костяная мука. Вид вокруг в самом деле был удручающим.

Изо ртов людей шел теплый пар. У солдат он вылетал маленькими облачками, когда они приветствовали министров, у чиновников — плотным дымом со звуками древних наставлений, а у Третьего принца — игривым паром, оседающим на густом мехе плаща веселым смехом.

— День в самом деле хорош! — оглядываясь вокруг, говорил Фу Цзя. — Пусть много не разглядишь, зато тихо и тепло — самое то для охоты! Ястребов, конечно, не отпустишь, но и зайцев отслеживать весело! — Третий принц довольно упер руки в бока, но после, взглянув на человека рядом, флигельно хлопнул его по спине. — Разве я не прав, пятый брат?

Фу Ичжэнь от похлопывания, в котором брат не сдерживал силы, не шелохнулся, но бросил на Третьего принца быстрый взгляд, что, впрочем, тут же растаял улыбкой.

— Третий брат во всем прав, — сказал Пятый принц, кутаясь в плащ. Даос рядом с ним сонно позевывал и оглядывался, словно все не мог понять, где оказался. Фу Ичжэнь тоже счастливым не выглядел: охоте он предпочитал развлечения, где можно откинуться в объятия мягких подушек и послушать красивые голоса.

— Ты редко выбираешься в охотничьи угодья со мной, — между тем говорил Третий принц. — Это плохо. Настоящий мужчина не должен забывать, как сидеть в седле. Верно я говорю?

Министры, которые прибыли по приглашению принца, от его взгляда согласно закивали. Один лишь Мин Цзе, что стоял к принцу ближе прочих и, как и Фу Ичжэнь, выглядел явно недовольным ранней прогулкой, скупно заметил:

— С раннего детства в седле сидят только варвары.

Третий принц рассмеялся:

— О чем это ты, Сяо Цзе?

— Ваше Высочество, конечно, знает, что наши предки были великими завоевателями, — словно дожидаясь лишь этого, сказал юноша. При встрече с Пятым принцем несколько дней назад в чертах этого человека можно было заметить робость и страх, но с Фу Цзя он говорил неожиданно откровенно, позволяя даже язвительным ноткам сквозить в по-юношески звонком голосе. — Однако долгое время армия императора состояла лишь из пеших воинов и колесниц: навык верховой езды от варварских племен предки переняли намного позже. Долгое время даже самые brave воины ездут верхом и охоту презирали, называя это диким занятием...

Третий принц, словно вовсе и не слушал приближенного, потрепал его по голове.

— Сяо Цзе много знает, знаний в твоих костях куда больше, чем такта.

Понемногу министры и чиновники стали разъезжаться из павильона, выбирая себе места для

охоты. В императорские охотничьи уголья нельзя было войти просто так и даже в сопровождении двух принцев ученые мужи и brave воины не могли охотиться на все подряд, самую крупную и ценную дичь оставляя членам императорской фамилии. Однако говорили, что несколько дней назад в здешних лесах видели оленя с яшмовыми рогами: разъезжая, министры обсуждали это чудо, в мыслях надеясь наткнуться на него и как знак расположения и верности преподнести принцам. Очень скоро в павильоне остались лишь Третий и Пятый принц, а также их охрана.

Некоторое время Третий принц смотрел на горизонт, что медленно проступал над водой пятнами встающего солнца, а после сказал:

— Пятый брат, ты не выполнил мою просьбу.

Фу Ичжэнь не стал отнекиваться:

— Это так. Этот принц старался уговорить Цзяннаньского хоу — но мы никогда не были близки, чтобы он ко мне прислушивался.

— В самом деле? — изобразил изумление Фу Цзя. — А мне казалось, будто вы давно поддерживаете связь.

— Третий брат шутит, — улыбнулся в ответ Пятый принц. — Если бы это было так, стал бы генерал мне чинить неприятности и пришлось бы брату меня защищать?

— В этом ты прав, — кивнул Третий принц. — Когда Пань Тань принялся принижать тебя в зале собраний Императора, я не смог стерпеть, однако теперь он злобно смотрит на меня и его люди будто случайно несколько раз поднимали шум в моих заведениях. Это все мелочи, стычки, не несущие в себе большого вреда — но выходит, что за свою помощь младшему брату я нажил себе лишь проблемы.

Фу Ичжэнь в душе выругался: никто не просил Третьего принца встречать. Конечно, если бы он промолчал, самому Фу Ичжэню пришлось бы тяжело, но разобраться с Пань Танем, особенно теперь, когда Пятому принцу был известен его секрет, было куда проще, чем оставаться у старшего брата в долгу. Фу Ичжэнь не испытывал иллюзий по поводу того, что эта помощь ему просто забудется, потому, усилием воли смирив гордость, сказал:

— Старший брат прав. Я не выполнил эту твою просьбу, но готов помочь тебе в чем-то другом.

— Пятый брат, не будь таким серьезным, — рассмеялся Фу Цзя. — Ты говоришь словно о кровном долге — но это ведь была просто небольшая помощь от одного родственника другому, верно? Нет нужды быть таким вежливым.

Каким бы дураком Пятый принц был, если бы поверил в это.

Свежий утренний воздух огладил лицо Фу Ичжэня. Он пах не драгоценными благовониями и резкими блюдами, но сыростью покрывшейся первой коркой льда воды и палыми травами — такого запаха не почувствовать было в стенах Запретного города. Когда Пятый принц только отправился путешествовать по цзянху, этот запах пугал его и заставлял чувствовать себя одиноким и потерянным, теперь же в душе он будил щемящую нежность к временам, когда в мире рек и озер Фу Ичжэнь любому в лицо мог сказать то, что думает и каждому звоном клинка доказать свою правоту. Мир цзянху был жесток, коварен и хитер — но также он был очаровательно наивен и прост, лишь там можно было сохранить бесплотные мечты о чести и праведности, ведущие путем дао. Фу Ичжэнь в самом деле по нему скучал.

Пусть и в столице оставались люди, которые готовы были сказать правду и услышать ее в ответ, путь и тут подернутые задумчивой пеленой яшмовые глаза становились глотком пахнущего весной свежего ветра, Пятый принц как никогда прежде захотел вновь оставить все и вернуться в заклинательскую секту. И там благородное происхождение накладывало на него некоторые ограничения, но они ощущались лишь тугим поясом, а не стальными кандалами. Фу Ичжэнь ухмыльнулся в душе своим мыслям, прежде чем ответить:

— Третий брат, я говорил, что отплачу тебе, и я сдержу свое обещание. Пожалуйста, скажи, чем этот принц может быть тебе полезен.

Третий принц бросил на Фу Ичжэня быстрый взгляд, а после задумался. Мин Цзе тоже наблюдал за своим господином и, словно уловив что-то в его выражении, сказал:

— Ваше Высочество, мы не смеем просить вас о многом. При дворе, однако, в последние дни беспокойно и Император чувствует это. Министры и чиновники больше заняты поисками покровителя, чем служению стране — в совете пригодилась бы свежая кровь.

Пятый принц нахмурился. Интуитивно, в глубине души, он понимал, к чему идет разговор, и некий образ, в последние дни не покидавший мыслей Фу Ичжэня, стал как никогда явственным, но принц все же сказал:

— Я не имею отношения к императорскому институту и не вожу дружбы с учеными. Что господин Мин имеет в виду?

— Сяо Цзе выражается слишком путано, — улыбнулся Третий принц. — Младший брат, Сяо Цзе неоднократно рассказывал мне в прошлом о своем друге, с которым некоторое время они вместе обучались и который теперь живет у господина Фэна. Его фамилия была?..

— Ли, — быстро подсказал Мин Цзе.

— Господин Ли, точно, — кивнул Фу Цзя. — Я слышал, что он хорош в четырех искусствах, проницателен и хитер. Говорят, что господин Ли совершил некое преступление, потому не выходит из поместья семьи Фэн, но этому принцу кажется, что держать под замком подобный талант — преступление. Поэтому брату следует представить его ко двору.

— Не думаю, что это хорошая идея, — ответил Пятый принц прежде, чем смог все обдумать. Внезапно Фу Ичжэнь понял, что не знает, что ощущает теперь, но явственно в его груди жило нежелание Ли Инчуня знакомить что с Третьим принцем, что с Императором. — Молва о способностях господина Ли явно преувеличена.

— Ваше Высочество не должен скромничать, — сказал было Мин Цзе, но даос Ян, стоящий за спиной принца, коротко посмотрел на него и юноша предпочел благоразумно заткнуться.

— Пятый брат волен поступать так, как знает, — между тем сказал Третий принц. Он подал знак своему слуге и один из телохранителей привел под уздцы лошадь господина. — Если ты считаешь, что господину Ли при дворе делать нечего — так тому и быть. Я, однако, думал за знакомство с ним простить тебе тот маленький долг, но если ты думаешь о другом, я придумаю для тебя другое задание. Быть может старшая сестра...

— Третий брат прав, — быстро сказал Фу Ичжэнь, незаметно прикусив щеку. Пусть в душе его все еще бурлило нежелание, ввязывать в собственные проблемы Первую принцессу Пятый принц не хотел еще более. — Через несколько дней я представлю отцу-Императору господина Ли.

— Славно, — хлопнув в ладоши, сказал Фу Цзя. Он подошел к подведенной лошади и, ласково потрепав ее по холке, легко запрыгнул в седло. Прежде, чем скрыться в редющем тумане, принц задумчиво сказал: — Я слышал, генерал Пань и господин Ли не очень любят друг друга. Посмотреть, поладят ли они в зале собраний... Это в самом деле будет интересно.

Мленький театр:

Фэн Жун: ...

Фэн Жун: Что ты делаешь?..

Фу Ичжэнь: Смотрю на тебя.

Фэн Жун: Это жутко.

Фу Ичжэнь: *шепотом* вот бы все люди были как ты...

Ли Инчунь: ...оставлю вас наедине.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/17230/1724446>